

Академик Ю.Рыжов: "Россия стоит на пороге жуткого краха"

Академик РАН Юрий Рыжов дал интервью корреспонденту "Московского комсомольца" Наталье Веденеевой. В 90-е годы Борис Ельцин несколько раз предлагал Рыжову стать премьер-министром России и главой РАН, но он всякий раз отказывался, оставаясь преданным своему любимому делу — созданию воздушных судов и воспитанию молодых инженеров авиационной промышленности в МАИ. Возможно, страна пошла бы по совсем другому пути, если бы академик Рыжов все-таки возглавил в 1991 году правительство РФ. Юрий Алексеевич — выдающийся ученый, крупнейший специалист в области создания ракет класса «земля–воздух», в прошлом член Верховного Совета СССР, первый посол РФ во Франции. В свои 86 лет Рыжов по-прежнему занимает должность заведующего кафедрой аэродинамики Московского авиационного института, куда ездит на собственной машине, возглавляет группу по защите ученых, обвиняемых в госизмене, активно критикует тоталитаризм. Его энергии завидуют молодые ученые.

— Юрий Алексеевич, в «революционном» 1991 году вы были ректором МАИ, членом Верховного Совета СССР, возглавляли Комитет ВС по науке и технологиям — довольно приличный послужной список для поста премьер-министра. Почему вы все-таки отказались возглавить Правительство России?

— Потому что, откровенно скажу, я не очень хорошо разбирался в экономике. И понимал, что, во-первых, в той ситуации настоящей экономической разрухи, какая была в стране в те годы, меня легко могли надуть какие-нибудь мошенники, и к чему бы это привело всю страну? Во-вторых, я мог просто надорваться, и мы бы с вами тогда сегодня не беседовали (улыбается).

— И тогда Ельцин выбрал кандидатуру Ивана Силаева...

— Да. Силаева, бывшего министра авиационной промышленности, на пост председателя Совмина РСФСР я ему посоветовал, поскольку хорошо его знал. Тот продержался до полного развала СССР, после чего его сменил Егор Гайдар, а того вскоре — Виктор Черномырдин. Но каждый раз Борис Николаевич сначала предлагал занять освобождающуюся вакансию мне. До сих пор каждый год 15 ноября в Москве собираются члены правительства Гайдара, куда приглашают и меня, и каждый раз Геннадий Бурбулис (ближайший соратник Ельцина.) под всеобщий радостный гул и шутки говорит одни и те же слова, ставшие, кажется, уже традицией: «Если бы в далеком 1991 году этот человек (показывает на меня) принял бы пост премьер-премьера, то нас бы с вами тут не было».

— Но вы отказались и от должности президента РАН! Здесь-то вы были бы точно на своем месте, но почему-то снова ответили отказом.

— Когда мне предложили возглавить вновь создаваемую Академию наук РСФСР, я ответил: «Что за чушь? Вот создано Правительство РСФСР, которое заседает в Белом доме, — и кому оно нужно, когда в Москве сидит Правительство СССР и все решает? Также не понимаю и роли Академии РСФСР при АН СССР».

— Каковы же были ответные аргументы?

— Как я понял, Ельцин уже тогда хотел сепарироваться от центральной власти: РСФСР должна была быть со своим правительством, со своей академией и т.д. И снова я предложил ему вместо себя другую кандидатуру — Юрия Сергеевича Осипова. Я сказал однажды Ельцину: «Мой хороший товарищ, ваш земляк из Свердловска сейчас находится в Москве, он мог бы возглавить академию». Ельцин быстро нашел его. Вскоре мне звонит Юрий Сергеевич и говорит, что ему предложили должность президента академии. До путча он успел провести выборы в новую Академию РСФСР.

— Кто в нее вошел?

— Российские ученые — члены Академии наук СССР вошли в нее автоматически. Кое-кого добрали — например, Руслана Хасбулатова тогда выбрали членом-корреспондентом (он был тогда председателем Верховного совета РСФСР). За него многие проголосовали.

— А члены «большой» Академии СССР из других республик?

— Они стали академиками своих национальных академий.

— Получается, Ельцин был сепаратистом?

— Он хотел возглавлять самостоятельную административную единицу. Тогда много ходило квазиельцинских лозунгов типа: «Хватит кормить периферию!», «До каких пор все будут у нас на дотации?» и т.д. Конечно, это была демагогия: на самом деле на местах, в республиках местные «шахи» были только рады разделению, ведь они становились полноправными и единоличными правителями.

— На чьей стороне вы были во время последующего путча?

— Конечно, на стороне Ельцина! Мы были вместе в Межрегиональной депутатской группе, куда входили также Андрей Сахаров и Гавриил Попов. Мы думали о судьбе страны. Когда возник путч, я как раз вернулся в Москву из отпуска. Утром, вызвав водителя, решил заехать к Бурбулису в Белый дом, чтобы узнать, что происходит, а потом — в МАИ. Однако в Доме правительства пришлось застрять на все три дня, все оказалось серьезней, чем я думал.

— Что же сказал Бурбулис?

— Его в Белом доме не оказалось, он был в Архангельском. Там были также Ельцин, Силаев и Хасбулатов. Меня соединяют с Бурбулисом, но неожиданно трубку у него вырывает из рук Ельцин и громко говорит: «Юрий Алексеевич, мы готовим воззвание против путчистов, собирайте журналистов, народ, мы сейчас подъедем». Я ему говорю: «В городе танки, народ. Наверное, вам не проехать». «Нет, мы прорвемся!» — отвечает. Их просто чудом выпустили спецслужбы, дежурившие около Архангельского. Если бы Крючков (последний председатель КГБ СССР Владимир Крючков.) был тогда более решительным, их могли бы всех уничтожить там, но они приехали. Мы вышли на сцену внутри Белого дома, перед которой было народу около двух тысяч, и Силаев начал читать известное

воззвание против путчистов, подписанное президентом Ельциным, председателем Верховного Совета Хасбулатовым и председателем Совета министров Силаевым. Когда председатель Совмина дочитал, Ельцин раздвинул нас, стоявших на сцене, и сказал людям: «А теперь разбегайтесь и разносите все это народу». А меня потом спрашивает: «Там, в зале, были иностранные журналисты?» «Конечно, — говорю. — Полно!» Ну а уже после на улице Ельцин вылез на танк, а я стоял рядом с ним. Коржаков, его телохранитель, почему-то все время напоминал, чтобы от каждого из нас до ближайшего человека было метра полтора из соображений безопасности, но никто его не слушал...

— Ну и что хорошего предлагал Ельцин? За что же вы боролись?

— Я поддерживал демократию и был против советской власти.

— А что означало для вас слово «демократия»? Как мы поняли потом — страна полностью перешла на импорт еды, оборудования...

— У нас был тогда полный экономический коллапс, еды не было. Спекулянты удерживали продукты и продавали из-под полы. А Гайдар это дело легализовал, сказал: есть товар — выставляй на рынок, и сколько тебе заплатят, за столько и продавай! Если бы этого не было сделано, у нас была бы гражданская война.

— В чем, по вашему мнению, заключалась ошибка тогдашнего правительства?

— Я упрекал потом задним числом Гайдара: «Вы решили, что если вы освободите экономику, то она сама создаст правильную систему государственных институтов, которые необходимы для защиты личной собственности, общества и государства. Но этого не случилось». В 90-м году у нас была попытка создать концепцию национальной безопасности. Я вышел с такой идеей к Горбачеву, и он сказал: «Вот давай разрабатывай!» Назначил меня председателем комиссии из 19 человек народных депутатов... Но, увы, мы проработали всего 40 дней, успев провозгласить два тезиса. Первый: безопасность не есть только государственно-политическое понятие, она имеет и такие компоненты, как экономический, экологический и информационный. И второй: приоритеты прав и свобод личности, и лишь потом — общества и государства, если последнее способно обеспечивать две первые.

— Что же произошло через 40 дней?

— Нам сказали так: «Комиссия Рыжова свою работу выполнила, вопросы безопасности страны берет на себя президент». Как мне стало известно позже, летом 90-го года к Горбачеву пришли три силовика, поговорили с ним, и он стал откатываться назад.

— С 1992 по 1998 годы вы работали послом во Франции, а по возвращении начали активно заниматься правозащитной деятельностью. Почему?

— Да, я занялся этим, когда начали сажать ученых-«шпионов». Нас, правозащитников от науки, было тогда пятеро: ваш покорный слуга, нобелевский лауреат академик РАН Виталий Гинзбург, мой хороший друг и товарищ Сережа Капица, Людмила Михайловна Алексеева и правозащитник Эрнст Черный.

К сожалению, Гинзбург и Капицы уже нет в живых, но мы продолжаем начатое дело: пишем письма в защиту ученых в разные инстанции и президенту. Два звонких имени наших подопечных активно муссировались в прессе: это красноярский ученый, бывший директор Теплофизического центра КГТУ, известный в России специалист по космической плазме Валентин Данилов, приговоренный в ноябре 2004 года судом к 14 годам лишения свободы за шпионаж в пользу Китая. К счастью, полный срок ему сидеть не пришлось: 24 ноября 2012 года 68-летний ученый был условно-досрочно освобожден, приезжал к нам в Москву. Второй наш подзащитный — 51-летний москвич Игорь Сутягин, бывший сотрудник Института США и Канады РАН, кандидат исторических наук. В 2004 году, несмотря на то, что не имел оформленного допуска к секретным материалам, был осужден по статье 275 УК РФ за государственную измену. В 2010 году, проведя в заключении почти 11 лет, в результате обмена осужденными между Россией и США был освобожден, после чего переехал в Великобританию. (Его обменяли на Анну Чапман.)

— Принимали ли вы участие в судьбе сотрудника ЦНИИмаш Владимира Лапыгина, которому в сентябре этого года Мосгорсуд вынес приговор — 7 лет колонии строгого режима?

— Мы долго боролись за него. Он, как и я, всю жизнь занимался аэродинамикой, 46 лет трудился в ракетно-космическом комплексе. В день, когда его взяли в СИЗО, дирекция ЦНИИмаша издала приказ: «В связи с уходом на пенсию за высокие заслуги объявить В.Лапыгину благодарность...»

— Насколько известно, его так же, как и Данилова, обвинили в продаже секретов китайцам. Но что же они могли продавать, каким образом?

— Я знаю, что Данилов как научный сотрудник Красноярского физтеха заключил с государственной китайской организацией предварительное соглашение. Я видел эти бумаги на китайском, английском и русском языках, где он предлагал им сделать вакуумную камеру для имитации двух-трех условий космической среды, к примеру, ультрафиолетовое излучение и электронный пучок. Для понимания вопроса скажу, что в космосе подобных явлений — тысяча, и смоделировать их в полном масштабе могут сейчас только две страны на двух установках. Одна находится у нас (она способна имитировать все, включая ядерное излучение), вторая — у американцев. Данилов же получил 300 долларов аванса... И кто-то из его сотрудников, которые были в курсе дела, но не вошли в группу исполнителей, «настучал» на него.

— Вы говорите, что Данилов действовал официально, от имени Красноярского технического университета. Разве не то же самое делают наши двигателисты из Химок, изготавливая и продавая в США наши уникальные космические двигатели?

— Подождите, вы что, ищете логику во всем этом?

— Конечно!

— Бесплезно! Я вам так скажу: в нашей стране нет ничего, что было бы интересно потенциальному врагу. Кроме, может быть, каких-то стратегических возможных планов. Но в области технологий и науки — точно нет.

— Ну, вы, наверное, не совсем тут правы: на последнем МАКСе (Международном авиакосмическом салоне в Жуковском) были заключены договоры на покупку наших «Суперджетов».

— Это все чушь. Этот проект был заложен еще в 80-х годах, а реализация затянулась аж до нашего времени. Вот пишут, что заключен контракт на сто штук, на несколько лет врастяжку... Спрашивается: рынок внутренний здесь есть — купят его какие-нибудь наши авиакомпании? Нет таких компаний.

— Почему не купят?

— Когда я увидел его впервые, спросил: «Это что, среднемагистральный лайнер?»
— «Да». — «Он может сесть на любой наш более-менее приличный аэродром?»
— «Да». Так вот, я говорю, что нельзя вешать двигатель под крылом, когда нижняя кромка входного устройства находится в 50 см от полосы, — любая кочка, и она отлетит! Ударится и отлетит. Поэтому он безопасен только на хороших полосах, которых у нас не очень много. Это во-первых. Во-вторых, самолет не удовлетворяет компании по системе гарантированного обслуживания — они лучше возьмут в лизинг подержанный «Боинг» или «Эрбас». Все ведущие наши авиакомпании на них летают. В-третьих, «Суперджет» отстал технологически — слишком долго делался... В-четвертых, у него все комплектующие — заграничные: от двигателей до электроники. Как-то я был в ЦАГИ, и там мне показали прекрасное немецкое оборудование для испытания панелей самолета «Суперджет» на усталость (когда деталь подвергается сильной вибрации). Смотрю, углепластиковую панель трясут. Я обрадовался, говорю Чернышову (гендиректор ЦАГИ.): «Это что, панель нашего, хотьковского производства?» «Да нет, — говорит, — Голландия». А я-то думал, что хотя бы за форму аппарата мы отвечаем, ведь аэродинамика у нас в Союзе была самая лучшая...

В Жуковском заключили договора на сто машин «Суперджет» с поставкой в течение двух-трех лет (быстрее их не сделаешь при наших условиях производства). Но ведь не надо забывать, что у лайнера есть иностранные конкуренты, не обязательно даже американские или европейские — бразильские и канадские. Их компании производят самолеты десятками, если не сотнями в год, и за ними во всем мире стоит очередь. Я уже не говорю о «Боинге» и «Эрбасе», которые производят большие дальнемагистральные самолеты. Они «штампуют» их по 300 машин (!) в год. И какие есть шансы после этого у нашего несчастного «Суперджета»?..

Я, будучи послом во Франции, боролся, чтобы вместе с «Эрбасом» делали огромный лайнер А-380. Проект закладывался в середине 90-х годов. Мы добивались, чтобы нам поручили делать большие панели крыла. У нас тогда были большие прессы, позволявшие штамповать их очень точно. Но не удалось мне, к сожалению, договориться, французы обошлись без нашей помощи. Они его сделали. Я успел увидеть его в воздухе еще до своего отъезда, в 1999 году. Наша же авиационная промышленность, увы, умерла необратимо — это я вам гарантирую.

— Какой выход вы предлагаете из сложившейся крайне тяжелой ситуации?

— Никакого! Технология отстала еще с начала 70-х годов, когда резко упали ассигнования на НИОКРы, даже в оборонной промышленности.

— **Что послужило причиной тому?**

— Отставание!

— **К вам как депутату Верховного Совета СССР и вопрос: почему возникло отставание?**

— Я пришел в ВС СССР, когда уже все умерло, до этого был ректором МАИ и состоял в Академии наук СССР. Но я скажу, почему отстали. Во-первых, мы недооценили «вражескую» науку кибернетику, потому очень быстро откатились назад в микроэлектронике, в информационных системах. БЭСМ-6 (Большая электронная счетная машина. — Н.В.) существовала в стране с 1950 года, но только в двух экземплярах и была загружена исключительно расчетами для ядерщиков. Она была ламповой, но когда перешли на полупроводниковые схемы, тут мы уже деградировали шаг за шагом. И это при том, что наш академик, нобелевский лауреат Жорес Алферов стоял у истоков развития полупроводников. «Вот, — говорит он мне на одной из встреч лет десять назад, показывая гаджет «Нокиа», — это — я». Я отвечаю: «Знаю, что без твоих открытий 30-летней давности здесь не обошлось. Только у меня один вопрос: почему здесь написано «Нокиа», а не «Жорес»?..»

— **В ваших словах слышится сплошной пессимизм. Вы и студентам своим то же самое говорите? А ведь им и нам еще жить и жить в России...**

— Ответ простой. Когда г-н Медведев предложил нашим молодым людям, в основном ученым, возвращаться из-за границы, я написал статью под заголовком «Не возвращайтесь!», и все аргументы в ней — напоминание, из какой страны они уехали. Страна стоит на пороге жуткого краха. Просто так легко уже не обойдется.

— **Легко сказать — уезжайте. А если кто-то не может или не хочет?**

— Тогда готовьтесь к тому, что бывает в России в момент системного кризиса (порусски — смуты). За последние 100 лет их было два. Первый системный кризис начал накапливаться еще при Александре III, который закручивал гайки до тех пор, пока не возник кризис в вооруженных силах, не накопилось недовольство катастрофическим проигрышем «какой-то Японии», внутреннее недовольство в элитах и среди простого народа. И уже при Николае II царская империя рухнула, и возникло новое государство, в котором я прожил почти всю свою жизнь. Вторая смута назревала с полным коллапсом экономики в августе 1991 года...

— **Вернемся в настоящее. Реформа академии, которая началась сразу после выборов нового президента РАН в 2013 году, шокировала ученых. Многие не верили в происходящее, митинговали возле Госдумы, добиваясь отмены законопроекта о слиянии трех академий в одну и лишения РАН возможности управления академическими институтами. Однако ничего не получилось. Почему, как вам кажется?**

— Надо было активней, через сети, распространять призыв к противодействию. Тогда нас было бы больше. Но информационная война была проиграна. Митинговали ведь в основном рядовые сотрудники. А из членов академии

подписались под протестным заявлением только 70 человек из 700. Получается, только 10% подписались — замечательные люди, не случайные в академии, естественники: математики, физики, химики... Это всегда была активная либеральная, демократическая сила.

— Я бы не сказала, что Жорес Алферов, который был среди подписантов против реформы РАН, — либерал.

— Да, Алферов не относится к либералам. Но мы все равно выступали с ним одним фронтом против развала академии. Я сказал тогда, что не во всем наши взгляды совпадают в политическом плане, но здесь мы едины. Мы оба защищали науку: он — физику, я — математику и механику.

— Некоторые упрекают сейчас нынешнего президента РАН Владимира Фортова в излишней политкорректности в отношении реформаторов. Хотелось бы узнать ваше мнение на этот счет.

— Когда Фортов шел на выборы, у него было два соперника, которые вышли с тоненькими брошюрками с тривиальными текстами о величии науки. И только у Фортова была довольно серьезная программа, где был изложен анализ финансового, организационного состояния академии с графиками, таблицами, а также план реформирования академии. Фортов был избран, как вы знаете, легко. А потом произошло то, что произошло, — уничтожение академии. Я считаю, что она была именно уничтожена в тот самый момент, когда выяснилось, что над ней зависает организация чиновников ФАНО (Федерального агентства научных организаций).

— Зачем это надо было чиновникам? Видно же было, что ничего хорошего из такой реформы не получится, им сотни академиков об этом говорили.

— Академия издавна обладала огромной материальной базой, которая создавалась в СССР для обеспечения военно-промышленного комплекса. Это и здания, и испытательные полигоны, и научно-исследовательские корабли. Представляете, какое богатство!

— Кто был идеологом развала?

— Вы что, думаете, из Кремля звонили и давали команды? Сейчас большинство чиновников ориентированы, как собаки, на ветер, и их главная задача: предугадать, что понравится власти. Угадали или нет в данном случае — кто знает? Я считаю, что как только Фортову повесили хомут в виде ФАНО на шею, ему надо было хлопнуть дверью и уйти в свой блестящий Институт высоких температур, которым он руководит.

— Но Фортов в одном из интервью говорил, что ему как раз не все равно, что останется после него. Ну, поставили бы вместо него не радеющего за академию функционера — он бы все еще быстрее разрушил.

— Мне сложно судить Фортова. Скажу за себя: я живу по Окуджаве — мне важнее мои честь, совесть, достоинство и репутация

— Это хорошо вы говорите, но страну-то кто-то должен из болота вытаскивать.

— Есть кому, в стране 140 миллионов народа...

— Ну вот, наверное, Фортков и есть один из них?

— Безусловно, он наделен полномочиями, его должность является равносильной должности члена Правительства Российской Федерации. Но тем не менее — все свершилось... Институты из-под РАН вышибли, объединяют в единые центры совершенно разные научные организации. То же самое происходит и в образовании, с вузами. Наш МАИ уже слили с МАТИ... А ведь когда-то наша наука была на таком высоком уровне, что мы успешно отправляли с тем же Владимиром Евгеньевичем аппараты к комете Галлея...